

КОМСОМЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ ОБЯЗАТЬ ШУРКА, НЕ СОСТОЯЩИХ В КОМСОТБ ТО ИЛИ ИНОЕ ЗАДАНИЕ?

КОМСОМЛЬСКОЕ собрание нормальной деятельности как-то не имеют. По своей форме решение собрания в адрес молодежи, не состоящей в комсомоле, должно быть советом, рекомендацией, предложением.

КАК ПРОВОДИТСЯ ЗАКРЫТОЕ КОМСОМЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ?

КОМСОМЛЬСКИЕ собрания проводятся с участием молодежи. В закрытом собрании проводится и тогда, когда комсомольцам бывает необходимо посоветоваться и выработать свою комсомольскую точку зрения по тому или иному вопросу.

Вопрос о проведении закрытого или открытого собрания решает бюро или комитет комсомола.

НА ОДНОМ И ТОМ ЖЕ КОМСОМЛЬСКОМ СОБРАНИИ ВОПРОСЫ ОБСУЖДАТЬ НА ОТКРЫТОМ ИЛИ ЗАКРЫТОМ СОБРАНИИ?

Вопрос о том, как проводить собрание, зависит от характера работы. Это может быть и открытое, и закрытое собрание.

Начало в №№ 123, 124, 127, 128, 130).

Одним из вопросов является гвардейская служба. Неделю назад в газете опубликована статья о гвардейцах. В. И. выступил на собрании комсомольцев.

Участников вечера приветствовали секретарь ЦК ВЛКСМ Л. И. Матвеев и летчик-космонавт Герой Советского Союза В. Н. Кубасов.

УНИВЕРСИТЕТА

Вопрос о том, как проводить собрание, зависит от характера работы. Это может быть и открытое, и закрытое собрание.

В этом же кинотеатре открыт «Кино-университет международной информации». Его первое занятие уже состоялось.

Г. ЯРОШ.

На снимке: кадры из фильма «Встреча Зои Рухадзе (М. Мдивани) и полковника Василия Алтынова (его играет артист ВГИКа Н. Маликов).

НА СНИМКЕ: кадры из фильма «Встреча Зои Рухадзе (М. Мдивани) и полковника Василия Алтынова (его играет артист ВГИКа Н. Маликов).

Фото Ю. ИЛЬЕНКО. Фотохроника ТАСС.

В тот день выпал первый снег.

— Ребята, сыграем в войну? — обрадованный таким событием, выйдя из школы, заорал долговязый Юрка Бредихин. — Снежками айда, как гранатами! Ребятинки останутся, а мы пойдем в войну — продолжил шагать по мягкому снегу.

— Ты че, Шурк? — окликнул его удивленный Юрка. — Давай, а? Ну, хошь, ты командуй «нашими»?

Шурка — коренастый, в мужской телогрейке, крепкий — приостановился, потоптался на месте, но тут же крутнул головой:

— Нет, мне домой надо... У нас дедушка с утра хворит...

И он пошел белой дорожкой от деревни и школы, к ливневому у железнодорожной линии полустанку.

Торопился Шурка не зря. Оказалось, что деда уже свезли в район, в больницу и что он остался в хозяйстве главным.

Не откладывая, Шурка взялся за работу. Первым делом сходил за линию, к колодцу с кособокой крышей на двух столбах. Два ведра воды принес домой, а два Белянке — низенькой и пузатой коровенке с комолым лбом.

Напоив корову, он вычистил стойку, бросил на подстилку объедки и от стога принес свежего сена корове на ночь. Потом заглянул в клетушку бестолковых кур, утапывая снег тяжелыми, на три портянки обутыми и все равно слабыми на ноге мужскими сапогами.

Когда Шурка, по-взрослому всхлипывая, взялся колоть дрова, из дома вышла бабка с подойником на руке. Мелкими шагами полужрячего человека, она прошла к сараю и скоро оттуда послышались напевы тугих белых нитей, ударявших в дно ведра. Услышав их пение, Шурка поторопился: хотелось есть. И к бабкиному приходу он перетаскал дрова в дом, затопил печку, а на косяке окна засветил семилитровую лампу.

За ужином бабка дала Шурке только один стакан молока. Себе и того меньше плеснула — только чай забелить. Остальное слила в стеклянную банку, чтобы завтра в колхоз по налогу снести. С бережливостью знавшего нужду человека, она прибрала несъеденные картофелины и горстку соленой капусты, а редкие крошки смахнула в ведро с Белянкиным пойлом. Еще крепкая на ногах, с руками, и в старости не отвыкшими от тяжелой работы, мучалась бабка глазами. И всю работу она делала шепотом, не ошибаясь лишь по привычке. Привычным движением сняла с гвоздика тряпку, держа руку на краю стола протерла клеенку, проговорила:

— Теперь садись. Сегодня с Климой поговорим, а завтра письмо отправим...

ШУРКА поставил на стол лампу, принес противогазную сумку, в которой хранил пенал, пузырек с чернилами, книжки и тетради — перегнутые пополам и сшитые нитками листы шероховатой бумаги, подаренные деревенским продавцом, дедом Дзуменко.

Пока Шурка готовился к письму, бабка достала из сундука мешочек с пшеничными отходами и выдвинула к печке мельницу, сделанную дедом из толстого березового чурбака.

Сев на низенькую скамеечку с растопыренными, как у маленького теленка ножками, бабка засыпала в мельницу горсть отходов, поправила на голове платок

и, берясь за ручку жернова, спросила сердито:

— Ты готов, нет ли? Копаешься чего-то!

— И не копаюсь вовсе, — поскребывая перышко ножиком, защитился Шурка, знавший, что вечерами при лампе бабка и вовсе плохо видит. — Говори, чего писать. Поди, опять с приветом начнешь?

— Как же без приветов-то? — тут же успокоившись, ответила бабка. Люди день со здорованья начинают...

Но Шурка уже скрипел пером и вверху листа вывел привычное «Писано 6 ноября 1943 года».

— Здравствуй, дорогой наш сынок Климентий, — заговорила бабка, немного растягивая слова. — Низко кланяемся и шлем привет тети и маме, и дорогой племянник Шурка. И еще передают привет...

Про привет от племянника Шурка писать не стал. За бабкой поспевать надо

БОРИС МАШУК

ВЕЧЕРОМ, ПОД ПРАЗДНИК

РАССКАЗ

было, а тут еще перо зацеплялось о шероховатинки на бумаге. К тому же, о себе он всегда говорил в конце: «Писано вашим дорогим племянником Шуркой». Писал он это всякий раз, несмотря на шутки в ответных дядкиных письмах. «Пускай смеются, — рассуждал он. — А сами же и пишут: «Здравствуй, дорогой наш племянник Шурка»... Им чего... Сметься им не впервой»...

РАССУЖДАЯ так, Шурка всякий раз вспоминал каждого из дядек, с которыми жил после смерти матери. А было их трое. Больших и смешливых. Под дверным косяком набивался каждый. Но выше всех дядя Клима был. Средненький, как говорила бабка. Он тогда только-только на кочегара паровоза выучился. Как мимо едет — не раз гуднет. Мол, ставьте шанежки, скоро дома буду. Слыша его сигнал, самый старший и сильный дядька, Федор, всегда ухмылялся молча. Он, говорили, от рождения тихим да стыдливым удался. Может, потому и пошел на колхозную конюшню, к лошадям, чем деда рассердил крепко. Тот хотел, чтобы все по его линии, в железнодорожники шли. И своему младшему, дяде Виктору, который десятилетку кончал, советовал в машинисты или путевые мастера подаваться.

Этого все «академиком» звали. Видно за то, что мудрил над разными штуками. Один раз сделал он паровоз с трубами, мачтами и окошечками, а главное — с топкой. В ней что-то горело, из трубы дым шел, и паровоз плыл по озеру против волн и ветра. На такое чудо все сбегались смотреть. Дядя Клима в аккурат от поездки свободный был, а дядька Федор пригнал к озеру табун лошадей поить. А потом на радостях они такую возню устроили, что чуть паровоз не утопил. Позаталкивали друг друга в воду и Шурку туда же закинули.

— Еще сообщай тебе, дорогой сынок, — крутя

жернов, говорила бабка, — что брат твой Виктор по морю плавает, где много льда есть. Но они под ледом ныряют и потом топят германские пароходы...

— Корабли, баб, — поправил Шурка, довольный таким упоминанием про дядьку.

— Прописывал он, что паек им дают хороший, — продолжала бабка, — и чтобы мы об нем не беспокоились. А еще кланяются тебе соседи наши Егор Семенович и Марья Спиридоновна...

Бабка всегда диктовала без разбору. Особенно много она наговаривала приветов, и Шурка приспособился писать их по выбору. Вот и сейчас он задержал бег пера и, повернув коротко стриженую лобастую голову, затаив, наблюдая, как бережно бабка засыпает в крупорушку новую горсть отходов. Их желтоватая струйка напомнила Шурке о недавнем приходе колхозного председателя Фрола Чабуреткина. Он-то и при-

том она вдруг умерла. От сердечного порока. А Шурку, поскольку уже тогда они без отца жили, из райцентра забрали дед с бабкой и привезли в этот, наполненный дядьками дом. И тут Шурка узнал, что бывает и другой хлеб. Бабка его пекла в большой русской печи. Булки у нее получались низкими, хлеб был чуть кисленький, пахнущий травами, а вкусный.

Но теперь бабка не пекла своего хлеба. С того дня, как уехали дядьки в военном эшелоне. Теперь хлеб на станцию через привозит хлебозавозка. Как иждивенцам, Шурке с бабкой на карточку деда-пенсионера дают меньше буханки. Хлеба не хватает, и бабка иногда мелет кукурузу или озатки и страшает лепешки. Она их «без ничего» приспособилась печь, прямо на плите. Получаются они подгорелые малость, пахнут дымом, в них попадаются и зернышки не размолотые, но эти лепешки кажутся Шурке вкуснее всего на свете.

ССЫПАЯ муку на железный лист, бабка замолчала и теперь Шурка поторопил ее.

— Давай, баб, чего дальше писать. А то я от себя начну.

— Я тебе начну, — осерчала бабка. — Сказано, завтра целую лепешку получишь, стало быть, дам. А пока пиши, чего говорят.

— Че бы... Будто я за лепешку пишу.

Язычок пламени за ламповым стеклом начал мелко вздрагивать. Это по близкой линии на запад торопился тяжелый состав с танками или мукой для фронта. Дождясь, пока поезд пройдет, обиженный Шурка отложил ручку, серьезно решая, что за письмом на фронт он никогда бы не стал брать лепешку. Самую преобладающую. Письмо-то он писал не кому-нибудь, своему дядьке. А с ними ему хорошо жилось. Бывало, соберутся вместе, и сразу тесно станет в дедовом доме. Пойдут сено согреть — смеху, спору, возни! А работали как! В два навильника копы ложки. Заезвайся Шурка, и его еще сверху посадят. А дед, вида такое, ворчит не сердито: «Повырастали, поганые... Рельсы гнут, а ума — с горошинку».

Вспомнив это, Шурка вздохнул. Уж сильно далеко все было. В то последнее лето он только в школу готовился, а теперь третий класс осиливает. Тогда дядя Федор ему пенал подарил, а теперь и самого дядьки нет. Весной Варька-почтальонка принесла письмо. Не в треугольнике, а в белом конверте. Дед раскрыл его, достал лист, но был он почему-то надорванный и залитый чем-то бурным. «Дорогие тятя и маме, племянник мой дорогой Шурка, — писал дядька. — Извините, что получается плохо, но сегодня мы опять идем в наступление, я тороплюсь послать весточку, чтобы вы лишней раз не беспокоились».

Хотел еще что-то сказать председатель, но махнул рукой с зажатым платком, да с тем и ушел...

— БУДЬТЕ уверены, побьем мы его! — Тут Фрол аж зубами заскрипел, потемнел лицом. — Побьем, старик! Не сегодня-завтра Киев опять наш будет... Теперь мы расправляться начали, пусть он трясется в своем логове. Нет такой силы, чтобы русского мужика прижала к земле...

Хотел еще что-то сказать председатель, но махнул рукой с зажатым платком, да с тем и ушел...

— БАБ, А ТЫ лепешки с утра печь станешь? — забыв обо всем, неосторожно спросил Шурка.

— Ты чего, ж не пишешь, окаянный?! — обиделась бабка. — Я уж сколько наговорила ему, а он сидит, про лепешки думает. Потом, гляди, спать захочешь...

Шурка сглотнул слюну и, поскольку был виноватый, торопливо взялся за ручку. Но и начав писать, он не перестал думать о лепешке. Он просто не мог не думать о ней, потому что все время ему хотелось вволю поесть хлеба. Белого, с дырочками в податливом мякише и коричневой, хрустящей на зубах корочкой. Такой хлеб всегда приносила с работы мать. А по-

Сообщаю, что я жив, здоров и чего вам желаю. Знаю, что вы, мама, все плачете. Но вы не беспокойтесь! Я уже писал, что в бон не хожу, службу при штабе и работа у меня не опасная...

На этом месте письмо было порвано и залито, и Шурка не смог разобрать ни одного слова. Пока он старался, дед нашел в конверте еще один лист и подал его внуку. Написано письмо было от руки, но разборчиво.

(Окончание на 4-й стр.)

(Окончание. Начало на 2-3-й стр.)

— Здравствуй, дорогие отец и мать! — бойко начал Шурка. — Горько писать эти строки, больно от правды такую вест с недописанным письмом нашего боевого товарища, но вы должны знать правду. Ваш сын Федор был лучшим разведчиком артиллерийского полка и погиб смертью храбрых у местечка...

Смысл слов страшной вести еще доходил до Шуркиного сознания, а бабка уже зашлась криком. Тогда и Шурка не выдержал, и тоже заревел. Дед отплевываясь водой, гладил мозолистой рукой Шуркину голову и говорил глухо:

— Приплачь, внучек, поплачь... Жить-то надо.

А сам не плакал. Только почернел с лица. И вроде бы борода у деда тяжелее стала, клонила голову книзу, гнула его, и без того уже согбенного летями. Шутка ли: три войны до этого прошел дед. Японскую, империалистическую

пройдем, а вас в гроб вдавим...

Фрол еще бы ругался, но тут из сельсовета вышла председательша, тетка Маруся. Помогая Чабуреткину встать, она упрекнула ласково:

— Землю одолеть хочешь, а сам до дому никак не дойдешь!

Поднятый, Фрол согласно закивал и принял головой к теткинному плечу, скрипнул зубами.

— Ты пойми, Мария... Душу пойми!

— Понимаем, все понимаем, — веда покорного Фрола, говорила председательша. — Да сам себя в стыд бросаешь, фронтовичок ты наш...

Шурка тогда и не заметил, как у него глаза мокрими стали. И домой он пришел притихший, все думал, как Фролу жалко ногу свою, в сгоревшем танке оставленную... Он и сейчас, завспоминав, не удержался от горестного вздоха, торопя перо за бабкиными словами.

— Лето нынче удалось,

Ты, дядя Климентий, видать здорово их колошматил, если опять был ранетым и опять к ордену приставлен. Бабушка только плакала и говорила, что у ее сердце чего-то чуяло. Почему ты сразу про ранение не сообщил? Это не дело. Я бы тебе тогда в день по письму отписывал. А у меня тоже беда. Нонче, как выжигали покос, пал метнулся к плетню нашего огорода. А там, под плетнем, я парохом прятал. Вот тут-то он и сгорел. Но я не плакал, хотя жалко мне его до слез было. И сейчас, дядя Клим, тут тихо без вас. Но раз война, то и я пошучить могу...

Шурка писал, забыв обо всем. Это был его час. Волею обстоятельств поставленный совсем не перед детскими работами, оказавшись посредником между фронтом и тылом, свидетелем разговоров взрослых, тоскующих и страдающих людей, он, девятилетний мальчишка — живая душа — не мог быть равнодушным исполнителем дела. И довольный возможностью поговорить с дядьками, перед которыми ему хотелось и прихвастнуть новостями, и сбрехнуть что-нибудь смешное, он делал это с радостью, которую, сам того не ведая, передавал в души больших людей, идущих через бои и пожарища. И сейчас он представлял, как его дядя Клим командует своей пушкой, сцеливая с бугра немецкие танки, а потом садится, читает письмо и говорит, как бывало раньше: «Вот дает, короед пузатый! Гляди, чего отчебучивает!». И при этом щурит свой серый, смешливый, как у Шурки глаз.

— Чего пишешь-то? — громко, может не в первый раз спросила бабка. — От себя пооди? Скрипит и молчит, окаянный! Давай читай, чего понаписали. А я вспомню, что, потом доскажу...

Шурке перечитал письмо, на память быстро пересказав кучу приветов, которых не оказалось на бумаге, но зато медленно выделит свою приписку, чем расстрогал бабку.

— Вот и молодец! — похвалила она. — Сегодня ложись спать, а завтра Виктору напишем...

— А хлебушка не дашь, баб? — не выдержав, спросил Шурка.

Бабка перестала крутить жернов, пошевелила молча губами. — сказала, вздохнув:

— Нету хлеба, сынок... Завтра поутру привезут.

— Ладно, баб, — смутился Шурка. — Это я так спросил.

Когда Шурка улегся, закутавшись одеялом, бабка накинула на него старый полушубок и ткнула к изголовью рукой.

— На-ко вот... Сухарик нашла.

В Шуркиной ладони оказался маленький кусочек засохшего ржаного хлеба. Он надкусил его, разжевал и, жмурясь от удовольствия, придержал во рту клейкую массу. И этот черный сухарик, написанное письмо, завтрашний праздник с конфетами, вкус которых мальчишка смутно помнил, отодвинули назад мысли о сгоревшем парохе, немецких танках, торопящихся на запад поездах... Он так и заснул с улыбкой и надеждой на радостную близость перемен. А за стеной старого дома пронеслись составы, позимнему хмурилась ночь и все надрывнее выль разгулявшийся ветер. И бабка, прислушавшись к голосам жизни, вздыхая от дум. В полумраке избы все крутился и крутился тяжелый жернов крупярушки...

БОРИС МАШУК

ВЕЧЕРОМ, ПОД ПРАЗДНИК

РАССКАЗ

и гражданскую. Потом до старости путевым обходчиком работал. И уж когда ему отдыхать бы, жить, делам сынов своих радуясь, еще и эта война пришла, опустошила его дом, взамен горе внесла, подлая...

— Сообщаю тебе, что не так давно приходил к нам в гости Хрол Чабуреткин, — под ровное гортанное крупорушки рассказывала бабка. — Теперь он новый колхозный голова. Я уж прописывала тебе, дорогой сынок Климентий, что с хронту он пришел, широко скалеченный. Без ноги, и рука обожженная у него сохнет. Пьет Хрол шибко, а хозяйство ведет, как может...

— Погоди, баб, — оставил Шурка. — Лист переверачивать нужно, пускай чернила просохнут...

ШУРКА, перечитывая написанное, запнулся на непонятном для него выражении «колхозный голова» и вспомнил свою встречу с Фролом.

С фронта Чабуреткин вернулся в покос. Встречавшие его, а особенно деревенские пацаны, говорили, что у Фрола орденов на всю грудь и еще медалей с полведра будет. И Шурке все хотелось посмотреть на веселого дядьку, а когда встретились, то никаких орденов он не разглядел. Фрол лежал под плетнем рядом с крыльцом сельсовета, напротив которого магазин стоял. На крыльце магазина сидел продавец — старик Дзуменко и плакал, глядя на Фрола. Сапог на единственной ноге Чабуреткина скалился гвоздями, а модельная култышка хлябала в плохо затянутых сыромятных ремнях. Напрягаясь так, что на шее вздувались жилы, хотел Фрол подняться от земли, да нога скользила, а второй не было и, раскочеряваясь по-пьяному, он снова валился на бок, поднимал в чистоте после недавнего дождя небо кулак и грозил со стоном и болью:

— Ссволочи! Догоним, гадые паучье... Всю землю

— продолжала та. — В огородах уродилось хорошо, и люди запаслись на зиму. Семь мешков картошки мы сдали по самообложению, мешков пять продадим. Свезем на базар и капуста, и огурцов. Люди бедствуют, но счас уже не то, что в первости было. Шурке думаем справиться одежку да матанки по ноге подобрать...

— А когда напишем, что дедушка в больнице лежит? Ответила она не сразу и тихо:

— Чего ж с плохой вестью торопиться... Вот встанет дедушка, тогда и пропишем, что хворал...

Бабка еще помолчала немного, отдыхая или вспоминая что, и лицо ее вдруг осветилось хитровато-таинственной улыбкой.

— Ты ему лучше про Варьку Бибикову напиши-ка... Привет от нее передай.

Шурка, удивленный тем, что ему еще нужно писать привет про почтальонку Варьку — соседскую задаваху с косой — решительно воспротивился, сказав, что дяде это ни к чему.

— Пиши, дурачок такой, — построжала бабка, опять берясь за ручку жернова. — Много ты понимаешь, а им там о доме все знать охота. Пиши: Варька, дочка Бибикова Степана, держит себя в красоте и обиды над собой не позволяет и баловством не занимается...

Бабка еще что-то говорила про Варьку, но Шурка строчил совсем другое — от себя. «Дядя Климентий! Учусь я хорошо, как вы и прописывали — для помощи фронту. Учителка ставит мне четыре и пять, а завтра у нас будет праздник. Еще сказывал мне Юрка Бредихин, что на станцию передали наркомовский подарок. Дадут нам завтра конфеты и, видно, пряников. А мне еще обещали вырешить штаны или материю на них, потому как я сирота и племянник фронтовиков. Да, видать, штаны привезут в другой раз. А я, дядя, и подождать могу, хотя эти поизносились крепко.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПОЭЗИИ

Бюро областного литературного объединения сообщает, что сегодня в конференц-зале редакции газеты «Амурская правда» состоится «Вечер одного стихотворения».

Приглашаются все любители поэзии. Начало в 18 часов 30 минут.

Станислав ДЕМИДОВ

Люблю небес серебряную проснись.
Когда рассветы сказочно тихи,
Неслышным шагом листьев входит осень
В мои дела, поступки и стихи.
Намного жизнь сложней, намного
Проще,
В ней истину найдешь не без труда.
Опять иду один к далекой роще
По старым, сердцу памятным следам.
Усыпан путь багряною листвою,
Печально светлою полна моя душа.
Не веротит минувшее, бывшее —
И я невольно замедляю шаг.
Уходит все: и то, что в сердце
носим мы,
И то, чем хороши мы и плохи.
...Седой рассвет. Дыханье поздней
осени.
Осенние, чуть грустные стихи...

Игорь ЕРЕМИН

Молодая пора ожидания
Снова душу мою береди,
Будто первое в жизни свиданье,
И вся жизнь, и любовь впереди.
Будто б праздник, а я накануне,
Как мальчишка часы подвожу.
Вижу осень, а сам, как в июне,
Накануне июля жожу.
Дочь к моей голове прикоснется:
— Папка, — крикнет, — вот волос
седой!
— Да, — скажу, — побелел он
от солнца,
А лицом я совсем молодой.
— А морщинки? — не веря ошибке,
— Погоди, — говорит, — погляди!
— А морщинки, — скажу, — от
улыбки.
У меня, чай, вся жизнь впереди.
Так отец жил и дальний мой предок.
Верю в лучшее. Глупо тужить.
Тем и скрашу судьбу напоследок.
Я иду — будет дочь моя жить!

Виктор ЯКУШЕВ

РОМАНТИКИ

Кто романтиком назван не был,
Впав в уютный квартиры плен,
Чья душа не бродила небом
У вселенной меж синих вен,
Кто не видел себя открывателем
Неизвестных, далеких звезд,
Мне вас просто жаль, обыватели,
Сторожа современных гнезд...
Кто не ищет с ветрами встречи,
Не тревожит уюта гладь,
Под рюкзаки не подставит плечи,
Тем романтиков не понять...
А ребята уходят в ночи,
Под гитарную грусть молчат,
И, волнуясь, живые строчки
Пишут с чувством стихами — в ряд...
Пахнут строчки костерным дымом,
В них дороги и кручи гор,
Голубые глаза любимых
И хрустальных морей простор...

ВНИМАНИЕ, ПОДПИСКА!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
НЕ ЗАБУДЬТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
НА ГАЗЕТУ «АМУРСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ».
ПОДПИСКА ПРОИЗВОДИТСЯ
ВО ВСЕХ УЗЛАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 РУБ. 12
КОП.
НЕ ОТКЛАДЫВАЙТЕ
ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ
НА ПОСЛЕДНИЕ ДНИ!

За редактора С. ФУРСА.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

30 октября. 19.00. Телевизионные новости. 19.10. «Автомобильный в Жигулях». Кинорассказ. 19.40. «Амурская неделя». 20.20. «Варшавская мелодия». Телевизионные спектакль.
31 октября. ИЗ МОСКВЫ. 17.30. Новости. 17.45. Для детей. 18.20. Телевизионный наборный университет. Факультет

науки. «Неорганическая химия». 19.00. Цветное телевидение. Телевизионный театр миниатюр. Комедия Э. Лабина «Тридцать семь су господина Монтювана». 20.05. В эфире — «Молодость». «Осень». 21.35. «Потенциал Сибири». 22.05. Концерт. 22.30. «Америка накануне выборов». 23.00. Чемпионат СССР по футболу. «Динамо» (Москва) — родной университет. Факультет

Типография № 1 областного управления по печати. ВЕ01451.

Заказ № 6330.